Война мышей и лягушек (Батрахомиомахия)

Печатается по книге: Эллинские поэты. М.: Ладомир, 1999, с. 417-423, 508. Перевод М. Альтмана.

К первой строке приступая, я Муз хоровод с Геликона
Сердце мое вдохновить умоляю на новую песню, -
С писчей доской на коленях ее сочинил я недавно, -
Песню о брани безмерной, неистовом деле Арея.
Я умоляю, да чуткие уши всех смертных услышат,
Как, на лягушек напавши с воинственной доблестью, мыши
В подвигах уподоблялись землею рожденным гигантам.
Дело, согласно сказанью, начало имело такое.
Раз как-то, мучимый жаждою, только что спасшись от кошки,
Вытянув жадную мордочку, в ближнем болоте мышонок
Сладкой водой упивался, - его на беду вдруг увидел
Житель болота болтливый и с речью к нему обратился:
"Странник, ты кто? Из какого ты роду? И прибыл откуда?
Всю ты мне правду поведай, да лживым тебя не признаю.
Если окажешься дружбы достойным, сведу тебя в дом свой
И, как любезного гостя, дарами почту торовато.
Сам я прославленный царь Вздуломорда и здесь на болоте
Искони всепочитаемый вождь и владыка лягушек.
Родом же я от Грязного, который с царевною Водной
На берегах Эридана в любви сочетался счастливо.
Впрочем, и ты, полагаю, из роду не вовсе простого:
Может быть, царь-скиптродержец и мощный в боях предводитель?
Ну, не таи же, открой мне скорее свой род именитый".
Тут на расспросы лягушки мышонок пространно ответил:
"Что ты о роде моем все пытаешь? Он всюду известен:
Людям, бессмертным богам и под небом витающим птицам.
Имя мое - Крохобор, я горжусь быть достойным потомком
Храброго духом отца Хлебогрыза и матери милой,
Ситолизуньи, любезнейшей дочки царя Мясоеда.
А родился в шалаше я и пищей обильной взлелеян:
Смоквою нежною, сочным орехом и всяческой снедью.
Дружба же вряд ли меж нами возможна: мы слишком несхожи.
Жизнь вся твоя на воде протекает, а мне вот на суше
Пища привычна людей, и меня на дозоре не минет:
Ни из красивоплетеной корзины калач белоснежный,
Ни с чечевичной начинкой пирог с творогом многослойный,
Ни окровавленный окорок, ни с белым жиром печенка,
Ни простокваша, ни сыр молодой, ни парная сметана,
Ни пирожочки медовые - их же вкушают и боги, -
Словом, ничто из того, что к пирам повара припасают,
Вкусно приправами всякими пищу людей услащая.
Не убегал никогда я с опасного поля сраженья,
Первому следуя зову, я в первых рядах подвизаюсь.
Даже его не страшусь, человека с огромнейшим телом:
Смело на ложе взобравшись, цепляюсь за кончики пальцев
Или пяту ухвачу, и, хоть боль до людей не доходит,
Скованный сном человек моего не избегнет укуса.
Но, признаюсь, опасаюсь и я двух чудовищ на свете:

Ястреба в небе и кошки - великое с ними мне горе, -
Также и скорбной ловушки, где рок затаился коварный.
Эти напасти - все страшные, наистрашнейшая - кошка:
Даже к зарытым в норе норовит она ловко пробраться.
Редьки же грызть я не склонен, ни толстой капусты, ни тыквы,
И не питаюсь ни луком зловоннейшим, ни сельдереем -
Яства отменные, впрочем, для тех, кто живет у болота..."
На Крохобора слова Вздуломорда со смехом ответил:
"Что ты, о друг, все о брюхе толкуешь? Поверь мне, немало
Есть и у нас, на воде и на суше, чему подивиться.
Жизнь нам, лягушкам, завидно-двойную назначил Кронион:
Можем мы прыгать по суше, можем плясать под водою
И обитаем в жилищах, обеим стихиям открытых.
Если желаешь, ты можешь и сам в том легко убедиться:
На спину только мне прыгни, держись, ненадежней усевшись,
А уже я тебя с радостью в самый свой дом переправлю".
Так убеждал он и спину подставил, и тотчас мышонок,
Лапками мягкую шейку обняв, на лягушку взобрался.
Был он вначале доволен: поблизости виделась пристань,
Плыл на чужой он спине с наслажденьем... Но, как внезапно
Буйной хлестнуло волною в него, проклиная затею,
Жалобно тут завопил он, стал волосы рвать и метаться,
Горестно лапки под брюхом ломать, а трусливое сердце
Билось неистово и порывалось на берег желанный.
От леденящего страха стенаньями глушь оглашая,
Правит меж тем он подвижным хвостом, как послушным кормилом,
И умоляет богов привести его на берег целым.
Так, чем он более тонет, тем стонет безудержней, громче
И, наконец, исторгает из уст своих слово такое:
"Верно, не так увозил на хребте свою милую ношу
Вол, что по волнам провел до далекого Крита Европу,
Как, свою спину подставивши, в дом свой меня перевозит
Сей лягушонок, что мордой противною воду пятнает!"
Вдруг над равниною водной, высокую вытянув шею, -
Вот уж где ужас обоих, - явилася грозная гидра.
Гидру увидев, нырнул Вздуломорда, о том и не вспомнив,
Гостя какого, коварный, на верную смерть обрекает.
Сам углубился в болото и гибели близкой избегнул,
Мышь же, опоры лишившись, немедленно навзничь упала,
Лапками лагодя влагу и жалобный писк испуская.
Часто ее заливала волна, но, живучая, снова
Наверх она выплывала... Однако судьбы не избегнешь...
Шерстка намокшая с большей все тяжестью книзу тянула,
И, уж волной заливаем, пред смертью промолвил мышонок:
"Ты, Вздуломорда, не думай, что скроешь коварством проступок:
Как со скалы - потерпевшего в море кораблекрушенье,
С тела меня ты низвергнул... В открытой борьбе или беге
Не превзошел бы меня ты на суше. Так наглым обманом
В воду меня заманил... Но всевидящий бог покарает
(Грозного не избежишь ты возмездья от рати мышиной)!"
Так он сказал и свой дух на воде испустил. Но случайно
Это узрел Блюдолиз, на крутом побережье сидевший.
С писком ужасным пустился он весть сообщить всем мышатам.
Эти же, новость проведав, вспылали ужаснейшим гневом
И повелели глашатаям громко прокликать, чтоб утром
Прибыли все на собранье в палаты царя Хлебогрыза,
Старца, отца Крохобора, которого труп по болоту

Выплывший жалко носился - не к брегу родному, однако,
Нет, уносился, несчастный, в открытого моря пучину.
Спешно, с зарей, все явились, и первым в собранье поднялся,
Скорбью по сыну томимый, отец Хлебогрыз и промолвил:
"Други, хотя и один я теперь претерпел от лягушек,
Лютая может беда приключиться внезапно со всяким,
Жалкий, несчастный родитель, троих сыновей я лишился:
Первого сына сгубила, свирепо похитив из норки,
Нашему роду враждебная, неукротимая кошка.
Сына второго жестокие люди на смерть натолкнули,
С необычайным искусством из дерева хитрость устроив,
Эту-то пагубу нашу ловушкой они называют.
Третий же сын - был и мой он любимец, и матери нежной...
Ах, и его погубил Вздуломорда, сманивши в пучину.
Но ополчимся, друзья, и грянем в поход на лягушек,
Тело, как должно, свое облачив в боевые доспехи".
Речью такою он всех убедил за оружие взяться.
Их возбуждал и Арей, постоянный войны подстрекатель.
Прежде всего облекли они ноги и гибкие бедра,
Ловко для этого стручья зеленых бобов приспособив, -
Их же в течение ночи немало они понагрызли.
А с камышей прибережных сняв шкуру растерзанной кошкой
Мыши, ее разодравши, искусно сготовили латы.
Вместо щита был блестящий кружочек светильни, а иглы -
Всякою медью владеет Арей - им как копья служили.
Шлемом надежным для них оказалась скорлупка ореха.
Во всеоружье таком на войну ополчились мышата.
Живо узнали про это лягушки, и, вынырнув, тотчас
В место одно собрались, и совет о войне учредили.
Только пошли пересуды, откуда и кто неприятель,
Вражий внезапно явился, жезлом потрясая, глашатай -
Творогоеда бесстрашного сын, Горшколаз знаменитый.
Он, объявляя войну, к ним со словом таким обратился:
"Я от мышей к вам, лягушки, и послан я с вызовом грозным:
Вооружайтесь поспешно, готовьтесь к войне и сраженьям.
Ибо в воде увидали они Крохобора, в чьей смерти
Царь Вздуломорда повинен. Так будьте теперь все в ответе.
Тот же из вас, кто храбрее, на бой пусть скорее дерзает".
Так объявил им глашатай, и, грозное слово услышав,
Затрепетали сердца и у самых бесстрашных лягушек,
Но Вздуломорда, поднявшись, их речью такой успокоил:
"Друга, не я убивал Крохобора и даже не видел,
Как он погиб: верно, сам утонул он, резвясь у болота,
В плаванье нам подражая. А эти гнуснейшие мыши
Вздумали ныне меня обвинять. Ну, тем лучше. Изыщем
Способ мы раз навсегда весь их род уничтожить коварный.
Вот что я вам предложу и что кажется мне наилучшим:
В броню себя заковавши, мы сомкнутым строем, все рядом
Станем у края болота, на самом обрывистом месте,
Чтобы, когда устремятся на нас ненавистные мыши,
Каждый ближайшего мог супостата, за шлем ухвативши,
Вместе с оружием грозным низвергнуть в пучину болота.
Там уже, плавать бессильных, мы быстро их всех перетопим,
Сами же мы, мышебойцы, трофей величавый воздвигнем".
Речью такой убедил он лягушек облечься в доспехи:
Голени прежде всего они листьями мальвы покрыли,
Крепкие панцири соорудили из свеклы зеленой,
А для щитов подобрали искусно капустные листья.
Вместо копья был тростник у них, длинный и остроконечный,

Шлем же вполне заменяла улитки открытой ракушка.
Так на высоком прибрежье стояли, сомкнувшись, лягушки,
Копьями все потрясали, и каждый был полон отваги.
Зевс же богов и богинь всех на звездное небо сзывает
И, показав им величье войны и воителей храбрых,
Мощных и многих, на битву огромные копья несущих,
Рати походной кентавров подобно иль гордых гигантов,
С радостным смехом спросил, не желает ли кто из лягушек
Иль за мышей воевать. А Афине промолвил особо:
"Дочка, быть может, прийти ты на помощь мышам помышляешь,
Ибо под храмом твоим они пляшут всегда с наслажденьем,
Жиром, тебе приносимым, и вкусною снедью питаясь?"
Так посмеялся Кронид, и ему отвечает Афина:
"Нет, мой отец, никогда я мышам на подмогу не стану,
Даже и в лютой беде их: от них претерпела я много:
Масло лампадное лижут, и вечно венки мои портят,
И еще горшей обидою сердце мое уязвили:
Новенький плащ мой изгрызли, который сама я, трудяся,
Выткала тонким утком и основу пряла столь усердно.
Дыр понаделали множество, и за заплаты починщик
Плату великую просит, а это богам всего хуже.
Да и за нитки еще я должна, расплатиться же нечем.
Так вот с мышатами... Все ж и лягушкам помочь не желаю:
Не по душе мне их нрав переменчивый, да и недавно,
С битвы когда, утомленная, я на покой возвращалась,
Кваком своим оглушительным не дали спать мне лягушки,
Глаз из-за них не сомкнувши, я целую ночь протомилась.
И, когда петел запел, поднялась я с больной головою.
Да и зачем вообще помогать нам мышам иль лягушкам:
Острой стрелою, поди, и бессмертного могут поранить.
Бой у них ожесточенный, пощады и богу не будет.
Лучше, пожалуй, нам издали распрей чужой наслаждаться".
Так говорила Афина. И с ней согласились другие.
Тотчас все боги, собравшись, пошли в безопасное место.
Временем тем комары в большие трубы к сраженью
Вражеским станам обоим знак протрубили, а с неба
Зевс загремел Громовержец, начало войны знаменуя.
Первым Квакун Сластолиза - тот в первых рядах подвизался -
Метким копьем поражает в самую печень по чреву:
Навзничь упал он, и нежная шерстка его запылилась.
С грохотом страшным скатился, доспехи на нем зазвенели.
Этому вслед Норолаз поражает копьем Грязевого
Прямо в могучую грудь. Отлетела от мертвого тела
Живо душа, и упавшего черная смерть осеняет.
Острой стрелою тут в сердце Свекольник убил Горшколаза.
[В брюхо удар Хлебоеда на смерть Крикуна повергает:
Наземь упал он стремглав, и от тела душа отлетела.
Гибель героя увидев и мщеньем за друга пылая,
Камень огромный, на жернов похожий, схватил Болотняник,
В шею метнул Норолазу; в глазах у того потемнело.
Тут уже жалость взяла Травоглода, и дротиком острым
Он упредил нападенье врага. Но и сам поплатился:
Ловко копьем дальнолетным в него размахнулся Облиза,
Меток удар был, под самую печень копье угодило.
Он на Капустника, по побережью бежавшего, яро
Ринулся, но, не смутившись, тот сам обратил его в бегство.
В воду злосчастный упал и живой уж не выплыл, багровой

Кровью окрасил болото, и, вздутый, с кишками наружу,
Долго еще труп героя у берега горестно бился.]
Творогоед же от смерти и на берегу не сберегся.
В ужас пришел Мятолюб, когда Жирообжору увидел:
Бросивши щит, он проворно спасается бегством к болоту.
Соня Болотный убил знаменитого Землеподкопа
[А Водорад поразил беспощадно царя Лизопята,]
Тяжким булыжником череп ему раскроив. Размягченный
Из носу мозг его вытек, и кровью земля обагрилась.
Соне Болотному смерть причинил Блюдолиз безупречный,
Дротик свой бросив, и тьма ему взоры навеки покрыла.
Это увидел Чесночник и, за ноги труп расторопно
Крепкой рукою схвативши, в болото Болотного бросил.
Тут за убитого друга герой Крохобор заступился,
Ранил жестоко Чесночника в печень, под самое чрево.
Тело простерлось бессильно, душа же в Аид отлетела.
Болотолаз, то увидев, горсть грязи швырнул в Крохобора:
Тина лицо облепила, он зрения чуть не лишился.
Гневом вспылал Крохобор и, могучей рукой ухвативши
Камень из долу огромный - земли многолетнее бремя -
В Болотолаза метнул его яростно. Вся раздробилась
Правая голень его, и, подрубленный, пал он на землю.
Тут и Пискун на него напустился и сильно ударил
В чрево. Проникло в утробу копье глубоко, и, как только
Крепкой рукою копье извлек из брюха противник,
Тотчас наружу за ним и все внутренности потянулись.
Видя, что на побережье от смерти не убережешься,
Еле плетясь и измученный страшно, сраженье покинув,
В ров Зерногрыз пробирался, чтоб гибели лютой избегнуть.
В пятку копьем уязвив, поразил Хлебогрыз Вздуломорду.
[Позже, хоть раненный тяжко, он вынырнул вновь из болота.]
Видя, что дышащий трудно во прахе простерт Вздуломорда,
К первым рядам устремившись, копье в него Луковник бросил,
Но уцелел крепкий щит, и копья острие в нем застряло.
Также и дивный Полынник, в сражениях равный Арею,
Сбросить не смог с головы Вздуломорды тяжелого шлема,
Хоть средь лягушек воинственных витязем первым считался:
Слишком уж много врагов на него устремилось. Пред грозным
Натиском не устоял он и спешно в болоте укрылся.
Был средь мышей еще юный, но храбростью всех превзошедший,
Славный герой Блюдоцап, знаменитого сын Хлебоскреба.
Из дому вызвавши сына, отец его в бой посылает.
Этот же витязь, с угрозою весь истребить род лягушек,
Гордо вперед выступает, пылая с врагами сразиться.
Тотчас лягушки, объятые ужасом, в бегство пустились.
Силой владея великою, тут бы их всех погубил он,
Если бы зоркий Кронион, отец и бессмертных и смертных,
Гибнущих видя лягушек, к ним жалостью вдруг не проникся
И, головой сокрушенно качая, богам не промолвил:
"Боги! Великое диво я вижу своими глазами.
Скоро, пожалуй, побьет и меня самого сей разбойник,
Что на болоте свирепствует. Впрочем, его успокоим.
Тотчас Афину пошлем или шумного в битвах Арея:
Эти его, хоть отважного, живо от битвы отвадят".
Кроноса сын так промолвил. Арей же ему возражает:
"Ныне, Кронид, уж ни мудрость Афины, ни сила Арея
Лютую смерть отвратить не сумеют от жалких лягушек,
Разве на помощь им все мы направимся, да и оружье,

Коим когда-то сразил Капанея, могучего мужа,
Дерзостного Энкелада и дикое племя гигантов,
Ты и теперь пустишь в ход - перед этим и храбрый смирится".
Только промолвил Арей, громовою молнией грянул
Кроноса грозного сын, - и великий Олимп содрогнулся,
Знаменье страшное в ужас повергло мышей и лягушек,
Все же мышиное войско сражения не прекращало,
Крепко надеясь лягушачий род истребить совершенно,
Что и могло бы случиться, если б с Олимпа Кронион,
Сжалившись, в помощь лягушкам не выслал защитников новых.
Вдруг появились создания странные: кривоклешневы,
В латы закованы, винтообразны, с походкой кривою,
Рот словно ножницы, кожа - как кости, а плечи лоснятся,
Станом искривлены, спины горбаты, глядят из-под груди,
Рук у них нет, зато восьмеро ног, и к тому двуголовы -
Раками их называют... И тотчас они начинают
Мышьи хвосты отгрызать, заодно уж и ноги и руки.
Струсили жалкие мыши и, копья назад повернувши,
В бегство пустились постыдное... Солнце меж тем закатилось,
И однодневной войне волей Зевса конец наступает.

ПРИМЕЧАНИЯ (В. Ярхо).

Эту пародийную поэму в древности приписывали наряду с "Маргитом" Гомеру, однако уже в прошлом веке возобладало мнение, что "Война..." написана в V в. или несколько раньше. Между тем стилистические и лингвистические наблюдения над текстом, начавшиеся с конца XIX в. и особенно усилившиеся во второй половине нашего столетия, показали, что поэма эта создана в позднеэллинистическое время, если не в эпоху Августа. Пародия на гомеровский эпос, достигаемая перенесением его героического содержания на низменный сюжет войны мышей с лягушками, не носит характера идейной полемики с эпическими идеалами, а представляет собой скорее литературную игру с использованием гомеровской фразеологии - гомеровских полустиший, формул, отдельных слов, из которых составляются стихи-центоны. Цельные стихи, заимствованные у Гомера, встречаются очень редко (152, 205).

1. Ст. 1. ...муз хоровод с Геликона... - Ср.: "Теогония", 1 сл.
2. Ст. 9. ...от кошки - собственно, от ласки, которых греки держали в доме для защиты от мышей.
3. Ст. 19. Родам же я от Грязного... - Намек на имя отца Ахилла, по-гречески Peleus, обручившегося с морской нимфой Фетидой - здесь: царевной Водной.
4. Ст. 20. Эридан. - См.: "Теогония", 337 и примеч.
5. Ст. 39. Пирожочки медовые - подношение богам. Бедные люди нередко вылеп ляли их в форме того животного, которого положено было приносить в жертву богу.
6. Ст. 50. Также и скорбной ловушки... - Ср. Каллимах. "Победа Береники", фр. 3-4.
7. Ст. 79. Вол, что по волнам провел... - Зевс, похитивший Европу.
8. Ст. 83. Грозная гидра - то есть водяной уж.
9. Ст. 210-223 изымаются рядом издателей как поздняя вставка.
10. Ст. 228 считается неподлинным.
11. Ст. 252 считается неподлинным.
12. Ст. 280 сл. Капаней - участник похода семерых против Фив, отличавшийся надменностью. Зевс сразил его молнией. Энкелад. - См. Каллимах. "Причины", фр. 1, 36.